

Человек, который назвал мгновенный кружок отраженного солнечного света солнечным зайчиком, был поэтом. Ведь в этом словосочетании сказалось сердце. «Заяц» — это о прыжке. Также — о том, что в движении фотонов от одной поверхности к другой он (или — она) почувал движение жизни, движение живое. Или же — в нем (ней) в этот момент оказалось достаточно жизни, чтобы вспышкой двух слов наполнить жизнью этот бросок света, мало того — приблизить к себе и очеловечить: соединить лучи могучего и непостижимого Светила, от коего зависит все, — с пушистым мелким животным, пищей! И приласкать: не «заяц» — «зайчик»! Впрочем, и солнечное пламя показалось в тот момент таким. «Солнечный зайчик» — это приручение тайны. В этом и безумие,

От редакции
Дорогие друзья! Перед вами не просто новая публикация молодого поэта, лауреата премии имени Анны Ахматовой журнала «Юность» — перед вами протест против уничтожения настоящей поэзии воинствующими лоботрясами.

Перед вами талант, дорогие читатели! Потому что «Талант — единственная новость, / Которая всегда нова!». Как сегодня необходима именно эта формула Бориса Леонидовича! И мы, обложенные со всех сторон мутными потоками сомнительного стихоплетства, открывая настоящую поэзию, еще и еще раз повторяем пастернаковский завет: «Нельзя привыкнуть только к дару...»

и любовь — поэтому написал: сердце. А при чем тут тайна?!

Что же, попробуйте обойтись без нее. В конце концов, разве вам не становится «мало»? Вы ведь сами начинаете выдумывать что-то там, где этого и быть не может?! Откажитесь от этого. С точки зрения биологии вы — овощ, лишенный корня. С точки зрения духа вы — овощ, лишенный шелестящей небом листвы. И только с точки зрения поэзии вы — тайна. Чувствуете ее?! Прыжок в сердце. Поэзия проявляется, делая свой выбор. Она, как и сердце, — жива стремлением расширяться, вместить, сочетать, умножить. Поэзия — та сила, которая непостижимым, неуловимым образом из двух зол выбирает добро. Суть этого действия я назову преобразованием. Прыгай-прыгай, «солнечный зайчик»!.. Гори, огонь.

Александр Добровольский

Библиотека

подумывая сменить
место работы,
перебираешь тех людей,
с которыми (так уже
произносишь) работал:
ну, просто люди,
не лучше, не хуже — других.
Просто люди, да,
на глазах у которых
прошли пять лет моей жизни
с половиной;
а неделю назад
вот Людмила Ивановна
при мне вспоминала меня же —
меня, каким был я в тот день,
когда в их отдел
зашел по делам —
задолго еще
до того,
как я к ним в отдел перешел.
Разница есть,
даже хочется сказать — есть как Бог.

Рембо

1.

снег повисает на земле,
словно сало
на черном хлебе.
В костяшках пальцев
чувствуется пламя,
картофельное поле под землей.
Заливы треплет
легкий мотылек:
как изумруден
трепет мешковины!..

И малое склоняется
над великим.
Неугасимо.
(И синевы
сияющий порыв.)

2.

хорошо, что ночь беззвездна, —
и звезды чувствуешь,

как камешки в ботинке;
как ту хвоинку, что
прилипла к стельке
еще летом, —
а обнаружена была
уже зимою,
и это были:
именины сердца,
ведь мы тогда
ходили босиком, как молоко,
и солнца бабочек
скользили среди пальцев
ручьям подобных
звездных наших ног —
хвоинкою кружась,
чья колкость
по стопам
стремилась выше...
Размотай кроссовки — и
звезда оближет.
Солнцем, еще потным,
пурпурным солнцем

Подросток

Отвернуться? Бежать навсегда:
дыханием холодным
не пылинки сдую — лепестков лучинки, —
отгоняя
от распахнутой тюли танцев твоих
лохматую
тень
свою
(лаешь? скулишь? — убью!)

вскрыв вены, воскреснуть путеводной звездой —
без страха омрачить тебя
платком лучей
стирать
каждую
боль, в сосульки пальцев
скатившись струей бенгальской, берегом...
В ангельской подмышке баюкать сон.
Останавливать времени бремя —
на коленях,
в абажуре тишины.

неуловимые как мальки
слезы
плещутся по сосудам тоски —
рвать повязки плотин
с пекла млечной реки?
Ты?

— Молчи!
(Аспирин луны
шипит в лихорадке зари
прибоем
неясной
вины.)

* * *

...и снова чья-то рука
бережно ставит на землю
хрупкое чудо снежинки
светящееся изнутри
как Богородица ставила
храм Покрова на Нерли:
и в дали
такой эфемерной
но исполненной сил белизны:
тот же самый алтарь
и сквозняк красоты
гладит в сердце сокровенную свечу
озаренным
на все длинноты пути
мгновением

* * *

каждой снежинке
снится сейчас
что она звезда
мы идем
вместе с этой метелью
время от времени
закрывая глаза

* * *

любуюсь
как тебя изнутри
словно по стеклу окна

стекают капли
дождя моего
озаренные твоим солнцем
и отсветы
тепло играют
на лице моем,
как ты преломляешься
в каждой капле —
ты нежишься в них,
а я вижу, не видя,
как твой позвоночник
изгибом уподобляется
чайке летящей,
преисполнен
гордости женской, той
единственной, что права,
рисуя абрис чела.

* * *

и синий вечер плыл дымясь сквозь веки
полуприкрытые, как речка с-подо льда;
вился дымок — но нет, не сигареты —
отставший локон, и шуршали поезда

из-под двери. Там в тамбуре молчали.
Кололся миг — на два, кружились тени их.
Волнисто и легко под веками бежали
слова, и цвел фонарь, что облакался в них...

* * *

каждым листом
прихотлива и тщательна
деревца крона —
как на столике зеркальном
только что выстроено
карточный домик.
А охватишь всю разом —
то старинная шляпка,
оперенная пером страусиным,
реющим вдоль главной ветви
как по отвердевшему ветру.
А дальше посмотришь —

корона.

* * *

хрупок мир,
и грубо-чудесен,
как ласточкино гнездо
под последним карнизом
высотного дома;
каждое мгновенье ветра
пробуют его на разрыв —
и только упругость слюны
удерживает песчинки в сцепленьи,
словно ладонью отводит
молнии, что небо крошат
слева направо, справа налево
как дворники чистят стекло лобовое
машины скорой помощи,
застигнутой ливнем средь ночи,
в погоне за жизнью отважной.

Так же вот общее сердце,
сердце сердец — как хотите,
сердце последней еще живой бабушки,
минувшее помнящей, — или
самой младшей сестренки в семье,
что будущее еще не забыла:
бьется тревожно и тихо,
как сон голубиный
за потолками, на чердаке;
и тишину ту соседи
разбавляют — кто слезами, кто спиртом,
кто спермой и стоном.

* * *

Стоят березы,
как морозные узоры,
стоят мгновенья.
Сплошная гжель,
когда бы
не шорохи дома —
как мысли,
вынимаемые из головы
и развешиваемые,
чтобы присниться.
И потолок, конечно, бел
от пасмурной звезды,
что канула под крышу.
Вот, серебряный экран
послушно гаснет,

и легкий дом — подпорка
всем
морщинам
ночи.
И то, что ты
не видишь этих снов,
не значит, что они
себя не видят:
со всех сторон.
Один из снов —
крылатая мечта.

* * *

Сад лепит очертанья пустоты
внутри души.
За жалюзями ребер
гул, как подтаявший кубик желе —
нервы пожимают
зеленые аплодисменты под корами
стволов,
что ленты шорохов
развевают.

Шатким кружевом скрипя,
сад падает сквозь ночь
площадкой лифта...
проваливаясь, сад —
нащупав точку сердца тишиной —
вгоняет ось Земли —

Ты.
Ты.
Ты.

Сад лепит:
в глину пустоты
как в старческие кости
втирает весну словно мазь
острую. —
От земли отрешенный лепет.
Лепит
подснежный
трепет.

Чудесно и таинственно ранение любви.
Даже, Филиса моя сладкая, стрелы,
что в мое сердце яростно бьют, рикошетят,
превращаясь в розы, фиалки и лилии,
что аромата сладкого полны.
Чудесно и таинственно ранение любви.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

АЛЕКСАНДР ДОБРОВОЛЬСКИЙ: «НАСТОЯЩИЕ СТИХИ ВОЗМОЖНЫ ЛИШЬ ТОГДА, КОГДА ЕСТЬ ИСКРЕННОСТЬ»

— Назовите имена поэтов, наиболее значимых для Вас, которых Вы перечитываете.

— Александр Блок, Андрей Вознесенский.

Александр Блок умел смотреть и слушать прямо. «Прямо» здесь означает — не приукрашивая и не умаляя. От этих же качеств — его голос, постоянно прислушивающийся к себе, сурово проверяющий себя. Но ведь для того, чтобы не приукрасить что-то, как было бы легче, надо иметь в себе достаточно силы стремления, которая бы преодолевала другие естественно возникающие побуждения. И та же сила требуется, чтобы не умалить то, что, сравнительно с другими событиями твоей и современной тебе жизни, вызывает мучительное чувство диссонанса, разлома. Можно бы попытаться, конечно, заполнить этот разлом. Но для Блока это значило вывести себя за пределы современности, он же ощущал и нес груз кровного родства с нею. Поэтому одной из составляющих его тяги, его силы стремления было стремление к будущему, ибо только в будущем Блок мог видеть надежду на перемены к лучшему не только в своей жизни, но и в жизни своего народа и мира в целом. Ведь, будучи сыном великой культуры, он воспринял и ее главную цель — целостность, единство, но не в его силах было соединить то, чему еще не пришло время соединиться. Однако, думаю, Блок сполна внес свой посильный вклад — прямо пропорциональный своему стремлению, жажде света, если хотите.

Андрей Вознесенский. Ибо тот драйв, с которым он писал как о хорошем, так и о плохом в жизни, говорит о том, что он и в том и в другом чувял чудо самой жизни, ее движение, то, что она непрерывно рождает что-то, кого-то. Он любил образ соловья, переняв его у Пастернака. Так вот, соловей ведь не знает, что будет дальше, но поет, в восторге уже перед тем фактом, что нечто происходит. В конце концов то, что что-то с нами сейчас вообще происходит, — разве это не чудо?! Даже смерть в его поздних стихах — это событие жизни, а не ее конец.

— От чего, на Ваш взгляд, в наибольшей степени зависит будущее, судьба страны?

— От того, насколько удастся людям приблизительно моего поколения передать те крохи нового, которые мы наработали (те, кто наработал), своим детям, вообще следующему поколению, добавив какое-никакое ощущение преемственности, связи с основными мечтами человечества, а также определенный опыт выживания — как сохранения в себе самого главного.

— Ваши жизненные цели?

— Жить без вранья и унижения. Мечтать о красивом и лучшем. Любить без амбиций. Понимать других, как они есть, а не так, как мне в данный момент удобней. Работать с отдачей и человеческим теплом. Дышать во всю ширь легких. Не убить. Я не имею в виду убийство физическое — но мы слишком легко и бездумно наступаем на

цветки чужих чувств, без умысла — походя, раз плюнуть. Видимо, как внутри — так и снаружи.

— **Ваша мечта!**

— Хочу, чтобы в мире было больше гармонии и взаимопонимания, меньше грубого и гнетущего. Мне кажется, одна из причин такого разлада в мире — нарушение обмена энергиями между мужчинами и женщинами, его сужение, скажем, такие переживания, как восхищение друг другом, бескорыстное восхищение, конечно же, редки сейчас, нетипичны. А это ведь переживание довольно мощное, духовное по сути, очищающее от пыли привычности. Отличная прививка от эпидемии скотообразия, на поколения вперед. И даже из школьных уроков физики мы знаем, что ток образуется при взаимодействии двух полюсов, и еще нужны адекватные напряжению провода — чтобы лампочка в кухне горела. Сейчас за свет часто принимают искрение перетирающихся проводов. И кто-то пытается осветить комнату такими искрами, терзая провода, такая брутальная романтика. Такая развернутая метафора.

— **Что бы Вы сказали о своем творчестве!**

— Мое творчество — это не стихи, не проза и прочее, мое творчество — это прежде всего моя жизнь, которую стараюсь жить, и в первую очередь — это люди, с которыми есть узы, с которыми я так или иначе, далеко ли, близко ли, — соединен. По видимости, далекое — зачастую, в моменты, оказывается странно, колюще близким. Даже — спасительным. Это касается и людей — вовсе не обязательно каких-то гениев, казалось бы, давно ушедших. И не только людей — мест, растений, животных. Святой Сергей Радонежский общался и с животными — и был прав. В своем паническом беге по истории мы многое позабыли, а братья наши меньшие могут напомнить.

Возьмем дерево. Как оно тянется к свету! Сучья могут быть кривенькие — а веточки все равно тянутся вверх, верхушку могут срубить — а дерево пустит новую, часто и несколько. Дерево всеми силами, всюю жаждой реализует память зернышка о прямом высоком стволе, о шумной кудрявой кроне в синем свете. Применительно к нам я бы обозначил это двумя словами: вертикальность и постоянство в движении.

А собаки и кошки могут напомнить об эмоциональной честности, чуткости. Если какой-то человек приятен собаке — она виляет хвостом, непри-

тен — не виляет. А кошки, если у вас что-то болит, стремятся прилечь, приласкаться точно к больному месту.

Лучше животное тепло, чем разумная холодность, да.

— **Что бы Вы сказали об искусстве применительно к жизни!**

— Что искусство и жизнь нераздельны. И одно и другое — таинственны по своей сути. Вот, к примеру, великолепная картина — сгорела. Но что случилось с тем уникальным соцветием смыслов и чувств, которое художник когда-то облек в краски?! И ведь этот вопрос в чем-то аналогичен вопросу о том, что остается от ушедшего человека, не так ли? И есть щемящее чувство от подобных мыслей, которое и крупнее, и питательней, и свежее, нежели имеющиеся у нас ответы.

— **Что бы вы пожелали читателям!**

— Иногда человеку не хватает совсем чуть-чуть. Будь то глоток вина, изюминка безумия, капля веры или мгновение надежды, пауза выдержки или минута самообладания. Я желаю своим читателям, чтобы у них всегда получалось вовремя найти ту кроху, которой им недостает для осуществления лучших своих побуждений.

— **О чем, по-вашему, человеку более всего не следует забывать!**

— Об искренности. Когда человек неискренен — его мысли, слова и поступки не совпадают с внутренним ощущением, также и чужие мысли, слова и поступки проходят тогда словно мимо. А ведь так может пройти вся жизнь. Искренность — это когда вашему сердцу тепло от ваших мыслей, чувств, слов и поступков. Настоящие стихи, кстати, возможны лишь тогда, когда есть искренность.

— **Чтение — что оно для Вас!**

— Встреча. Иначе говоря, событие, которое дает мне шанс сделать открытие или увидеть что-то или кого-то в новом свете. Иногда это жизненно важно и срочно.

— **Ваше жизненное кредо!**

— Жизнь, человеческая в частности, успешно сопротивляется усилиям по сведению ее к одной формуле. В нее непрерывно просачивается что-то новое. У человека всего один выбор: либо набивать себе шишки в постоянных поисках своего места в этом потоке, либо набивать себе шишки в попытках уклониться от неизбежного.